

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОЧИХ: НА ПРИМЕРЕ ЛЫСЬВЕНСКОГО ЗАВОДА В 1914 Г.

Одной из характеристик современной исторической науки является микроанализ уникального, единичного. На этой основе крепнет влиятельное направление в России - историко-антропологическое исследование [1]. Ж. Ле Гофф понимает её как глобальную концепцию истории, которая объёмлет все достижения «новой исторической науки» [2].

В ракурсе антропологизации научного знания стержнем методологической базы работы выступает новая социальная история. В центре такого направления оказывается человек, причем не сам по себе, а как элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма [3]. Поэтому в настоящей работе исследовательский интерес обращается к промышленным рабочим, которые определили развитие Урала как ведущего промышленного центра страны в период глубоких общественных преобразований начала XX в. определяли [4].

Исходная посылка «новой научной истории» заключается в воссоздании комплексной картины исторического бытия, центре которого мыслится человек во всем многообразии его отношений с окружающим миром [5]. В соответствии с новейшей парадигмой исторического знания, общей тенденцией его антропологизации установку на методологический синтез отражают полидисциплинарные методы. Со второй половины XX в. меняются масштабы междисциплинарного сотрудничества и выбор «дисциплин – партнеров». По утверждению М. Крома, в послевоенный период XX в. полидисциплинарный подход получает массовое распространение, постепенно становится «нормой» серьезного исторического исследования [6]. С позиции этого подхода объект исследования – рабочие Лысьвенского завода в 1914 г. изучается одновременно с разных сторон несколькими научными дисциплинами (философии, социологии).

Постановку вопроса о необходимости интерпретации источников по среднему заработку по категориям рабочих, выборке цен на продукцию первой необходимости по Лысьвенскому заводу с помощью современных научных подходов определило характерное для современного времени осознание «непрозрачности» всякой социальной реальности, не имеющей прямого и непосредственного выражения в источниках.

Понять эти тексты позволяет такой философский метод анализа как герменевтика [7]. Она позволяет найти формы выражения смысла сведений о заработной плате рабочих и их изменениях в соответствии с данными о движении цен на продукты питания.

Одним из существенных показателей уровня жизни рабочего были его доходы, складывавшиеся из заработной платы, различного рода приплат к ней. Внутри малооплачиваемой группы рабочих частично массовых профессий и вспомогательных работ, используемые на тяжелых и трудоемких операциях, находились наиболее низкооплачиваемые, формирующиеся в основном из «пришлых», т.е. приходящих на заработки крестьян в основном Пермской, Вятской, Казанской губерний. К примеру, в цехе по отделке черной жести оплата за одну 8-часовую смену составляет травильщика 73,21 коп., машиниста 52,1 коп., сортировщика 33,13 коп., чернорабочие по накладке на поддоны 27,64 коп. и по нагрузке в корзины

12,23 коп. Рабочие сортировочного цеха кровельного железа осознавали, что их заработок крайне низок для существования себя и семейств «в виду осложнившихся обстоятельств на заводе от времени дороговизны всего жизненного продукта» [8].

В обращении вице-губернатора пермскому губернатору (во время забастовки на Лысьвенском заводе в июле 1914 г.) обращалось внимание на значительное увеличение количества рабочих завода «исключительно за счет пришедших рабочих, громадное большинство которых является народом неоседлым безимущественным и посему мало связанным с заводом» [9]. Полные данные о числе рабочих в заводе раскрывают сведения Полицейского урядника от 15 марта 1914 г.: 3685 чел. – рабочих 10 цехов, из которых цеховых 3420 чел., у подрядчиков 265 чел. Однако в телеграмме Окружного инженера Лысьвенского завода в Петербург Горному департаменту звучит 5000 рабочих [10]. При этом стоит вычесть из общего количества рабочих 1300 запасных нижних чинов, мобилизованных в июле 1914 г. [11]

Мобилизации привели к уходу в армию квалифицированных рабочих и резко сократившие предложение рабочей силы, что делало невозможным быструю замену ушедших рабочих новыми. Завод, являясь металлургическим и металлообрабатывающим, относился к отраслям, где заработки рабочих в силу сложности работ и необходимости иметь квалификацию были выше.

В системе оплаты труда ключевым элементом является соотношение оплаты сдельной и повременной. Заработок сдельщика превосходил повременную оплату. Положение рабочих (пришедших), найм которых проводили подрядчики, было хуже, чем цеховых (местных). На свои «60 – 70 коп. живут чуть ли не голодом, т.к. у многих семьи» [12].

Правление завода несколько раз пересматривало расценки. К 1914 г. произошли изменения в области дифференциации оплаты труда рабочих. Общее сокращение реальной заработной платы неизбежно вело к уменьшению разницы в расценках наиболее квалифицированных и неквалифицированных. В наибольшей степени повысилась оплата труда низкооплачиваемых категорий. Вследствие высоких расценок заводской заработной платы рабочих был очень высок и значительно превышал заработок рабочих других Пермских заводов [13]. Но сообщения рабочих в адрес заводоуправления в период забастовок марта и июля 1914 г. на Лысьвенском заводе говорят обратное. Прошение резчиков и их помощников жест-катального цеха свидетельствует о связи очень низких расценок - резка за 1000 листов 85 коп. и средним заработком менее 40 руб. в месяц» [14]. Как зафиксировано в требованиях рабочих жест-катального цеха, заработок должен быть увеличен для лужения до 38 р., для оцинкования 36 руб. [15] По выписке из расценочной ведомости по жест-катальному цеху «за проработанное время плату получает рабочий пропорционально выработки жести, установленной расценкой» [16]. Например, за травление грубой жести производится плата по 13 руб. за 1000 пудов, за штемпелевание оцинкованного железа - 35 коп. за 1000 пудов [17].

Значительное влияние на падение заработной платы относительно существовавших расценок оказывали неоплачиваемые простои в силу ремонта или слома технического оборудования. В результате заработная плата рабочих от месяца к месяцу сильно колебалась [18]. По заявлению рабочих жест-катального цеха им «должны платить 10 коп. за час с первого часа» [19]. Конкретизируется этот вопрос в расценочной ведомости: «Плата за простой, превышающий один час не по вине рабочих, производится в тех

случаях, если рабочие задерживаются при цехе заведующим или наблюдающими за работами» [20].

В систему оплаты труда входит и оплата за сверхурочную работу. Согласно статье 200 Устава о Промышленности и Труда, сверх нормы работать не полагается [21]. На основе требований цеховых рабочих можем говорить о принудительном ее выполнении и периодических невыплатах за дополнительную работу [22]. По итогам мартовской забастовки 1914 г. Управляющий Лысьвенским горным округом урегулировал данную проблему, объявив рабочим фабрики металлических изделий о том, что «сверхурочная работа будет оплачиваться полуторной платой (1 ½ часа на 1 часть)» [23].

Применение современных научных подходов в исследованиях рабочих дают возможность изучать их как ведущих социальных акторов в истории Пермской губернии, прийти к пониманию обусловленности мировосприятия человека прошлого материальными условиями его жизни. Главное при этом роль историка, который задает вопросы источнику, а он отвечает.

Примечания:

1. Могильницкий Б.Г. «Антропологический поворот» в свете антитезы макро- и микроисторических подходов // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. № 28. М.: КРАСАНД, 2009. С. 23.
2. Кром М.М. Историческая антропология. Пособие к лекционному курсу. СПб., 2000. С. 32.
3. Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX вв.). Автореферат дисс. докт. ист. наук. Челябинск, 2003. С. 14.
4. Подробнее см.: Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала в 1900 – 1941 гг. Екатеринбург, 2006.
5. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификация истории в свете современных концепций бессознательного: автореф. дис ... канд. ист. наук. Томск: Томский гос. университет, 2006. С. 5.
6. Кром М. Историческая антропология: пособие к лекционному курсу. СПб., 2000. С. 7.
7. Поршнев О.С. Междисциплинарные методы в историко-антропологических исследованиях. Екатеринбург, 2005. С. 39.
8. Пермский государственный архив новейшей истории. Ф.90. Оп.4. Д.791. Л.9
9. Там же. Д.789. Л.193
10. ПермГАНИ. Ф.90. Оп.4. Д.788. Л223
11. Там же. Д.789. Л.56
12. Там же. Д.788. Л.131
13. Там же. Д.791. Л.194
14. Там же. Д.788. Л.51 об.
15. Там же. Л.136
16. Там же. Д.788. Л.33
17. Там же. Д.791
18. Там же. Д.788. Л.33 об.
19. Там же. Д.788. Л.33
20. Там же. Л.4 об.
21. ГАПК. Ф. 209. Оп. 1. Д. 518. Л. 6.
22. ПермГАНИ. Ф.90. Оп. 4. Д.791. Л.143 об.
23. Там же. Д.1104. Л.7.

Е.В.Зайцева
Екатеринбург

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДЕМОГРАФИИ КАК НАУКИ

Особенностью демографии, как науки является то, что она сочетает в себе гуманитарные и экономические аспекты человеческой деятельности. Это нашло свое отражение в многочисленных, главным образом исследованиях прикладного характера, которые начали проводиться в Европе еще в XVII в. Конечно имеет место специфика становления демографии в России. Следует, тем не менее, помнить о том, что великий